

Ксения Шмыдкая

Мальчик, который кричал
«олень!»

Ксения Шмыдкая
**Мальчик, который
кричал «олень!»**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шмыдкая К.

Мальчик, который кричал «олень!» / К. Шмыдкая — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

О маленьких мальчиках, семейных поездках и лесных чудовищах.

За почти пять лет своей жизни Василий никогда не видел настоящей зимы. Были зимы простые – капризно-переменчивые, когда, ложась спать, не знаешь, что увидишь за окном с утра, влажные и липкие, порой снежные, но ненадолго, – по одной на каждый прошедший год. Но до чего же они были непохожи на то, о чем рассказывали родители, показывая три замусоленные фотографии с незнакомыми улыбающимися людьми в сугробах. Рассказы эти Василий не любил: ему становилось неловко и как-то неприятно, обидно – неужели, раньше родителям было лучше? Неужели, им было лучше без него? Допустить такое, даже в своей голове, он не мог и в конце концов решил, что и не было никогда «настоящей зимы», а родители все выдумали, как любили они это делать с болезнями («не снимай шапку, простудишься») и собаками («не подходи к ней, она тебя съест»).

А потом Василию исполнилось пять лет, и в тот же день пошел снег. Да такой, который не растаял на следующий день. И на последующий тоже. Родители странно притихли и две недели, пока Василий изучал все возможности этого нового «настоящего» и к тому же постоянно подсыпающего снега, оставляя следы на каждом большом сугробе между домом и детским садом и обновляя их на обратном пути, будто ждали, настороженно и недоверчиво, что уж третий-то (четвертый, пятый, девятый) снеговик, наспех и неумело – практики не хватало – вылепленный Василием, не доживет до утра. Когда же число снеговиков перевалило за число пальцев их лепивших, родители с неожиданной резвостью схватили сумки, забили их доверху, достали лыжи и торжественно объявили, что завтра они все вместе едут отдыхать. Куда – не сказали, не сочли нужным, будто сам факт поездки был важнее места назначения.

В дорогу отправились ранним утром, которое, по-декабрьски темное, лишь названием отличалось от ночи. Так рано Василия даже в детский сад никогда не поднимали, не стали будить и сейчас. Перемещение из кровати в машину он запомнил отрывочно, больше ощущениями, чем изображениями. Было то холодно, то снова тепло, то защипало торчащие над краем шарфа щеки, то затянулся ремень. Под голову ему подложили подушку, и Василий довольно причмокнул, когда она завибрировала вместе с машиной. Спать под убаюкивающий ритм двигателя он любил, но обычно мама тормозила его, приговаривая: «потерпи, скоро доедем, потом не уснешь». Теперь же все было ровно наоборот; безо всякой подсказки Василий чувствовал, нет, знал, что никто его дергать не будет, напротив – будут всю стараться, чтобы он дремал как можно дольше. Все-таки, «настоящие» зима и снег хорошо влияли на родителей.

Так Василий и сказал – когда проснулся. А проснулся он, когда машина прекратила вибрировать, хлопнула дверца, потом – сколько-то сладостных сонных мгновений спустя – хлопнула еще раз, и в салоне горячо запахло кофе. Последнее сыграло решающую роль: мама всегда заваривала и выпивала первую чашку кофе перед тем, как идти будить Василия, и каждое утро этот запах смывал его сон двумя волнами. Сперва проникая из кухни через открывавшуюся дверь вместе с полоской приглушенного света, а затем на мамином дыхании, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его в щеку или лоб. Кофе означал утро, и Василий не мог ничего с этим поделать.

– Ты что-то сказал? – переспросила мама, не глядя на него. Жестами она пыталась объяснить с папой, стоявшим снаружи. Из-за лыж – по паре с каждой стороны от пассажирского кресла – она не могла выйти сама.

Василий повторять не стал.

– Мы скоро приедем?

– Если будешь спать, то скоро.

Уловка была хорошая, но в носу звенело от запаха кофе, и Василий, даже при всем желании, не мог вернуться к уютной утренней дреме. Судьбу поездки – и ее продолжительности – решили два больших бумажных стакана с пластиковыми крышечками.

Еще раз хлопнула дверца, на этот раз особенно уверенно, как всегда она хлопала возле водительского места перед отправлением. Пока папа одновременно нахваливал не то себя, не

то машину («до самой границы не хватит, но почти до самой – точно»), выруливал с заправки и обжигался о кофе (судя по низкому шепоту, в котором он прятал нехорошие слова), Василий вглядывался в пейзаж за мутноватым стеклом. Утренняя серость уступала блеску зимы. Чем больше они разгонялись, чем дальше удалялись от безымянного островка человеческой жизни с заправкой, кафе и туалетом, тем быстрее грязный снег возле дороги переходил в широкую полосу чистого белого, а потом и вовсе синел, прячась у подножья деревьев.

Даже припорошенный с верхушек до самого низа, окружавший дорогу лес казался Василию мрачным, почти угрожающим. «Что ты забыл здесь, городской мальчик?» – шумели ветки. Лишь изредка сквозь деревья прорывались лысые полянки, и Василий делал глубокий вдох, словно пловец, готовящийся к очередному нырку. От этой дыхательной и наблюдательской чехарды закружилась голова, потом начало подташнивать. Но все равно он продолжал смотреть, пока дорога не вильнула и папа не сбросил скорость перед въездом в город.

– Ничего, их будет все меньше и меньше, – сказал папа, будто извиняясь. – Сейчас проползем этот кусок, а на трассе уже разгонимся как следует.

– Веди осторожнее, мы никуда не спешим.

Мама говорила это в каждой поездке, даже когда сама была за рулем, и обычно Василий был с ней согласен (про себя, вслух он решения водителя, будь то мама, или папа, или кто-то еще, никогда не комментировал), но сейчас он не удержался, пробормотал себе под нос: «спешим, очень спешим». Они как раз выехали из города и попали в особенно плотный и неприветливый лесной коридор. Какое облегчение, что, несмотря на мамин недовольный вздох, папа ускорился. Быстрее, быстрее выскочить из заснеженных клещей елок и сосен. Быстрее добраться до того места, куда они едут.

А куда они едут-то?

– А куда мы едем-то?

Прозвучавший в ответ набор звуков был Василию настолько незнаком, что он не смог понять, кто ему ответил – мама или папа. Слово – название – отдавало посторонним акцентом, который сбивал с толку и мешал узнавать даже обычные, нормальные слоги.

– Куда-куда?

На этот раз Василий был настороже: сосредоточился и вслушивался внимательно, как на занятии по английскому языку.

– Отепя, – одновременно ответили папа с мамой; он – не без шутиwego, но все же раздражения и с мягкой «е» посередине, она – с привычным терпением и глубоким, певучим «э».

– На лыжах кататься, – добавила мама, – в лесу. Там еще озеро рядом, можно гулять...

Василий уже не слушал. Лесные клещи смыкались, и не важно было, как быстро едет папа, теперь-то они уже никогда – никогда! – не выберутся из леса и из «настоящей» зимы. Ошарашенный этим осознанием, Василий зажмурился так, что искры в темноте засверкали и загудело в ушах, а потом раздался крик – настоящий, не в голове, – машина дернулась, закрипела, вильнула, проехала еще чуть-чуть и замерла.

Василий открыл глаза и с запозданием заплакал. Было немного больно и много – страшно. Голос мамы прорывался к нему отдельными словами, которые слишком сложно сейчас было уложить во фразы:

– Ты в порядке... не ушибся... олень... просто на дорогу выскочил.

Папа отмалчивался – видимо, чтобы не срывать на ругательства. Олень же – теперь Василий видел его через водительское стекло: небольшое, какое-то облезлое животное – дергал ушами и не спешил убежать. Прошло еще несколько неловких секунд, прежде чем он дернулся всем телом, подпрыгнул и исчез в редких кустах, окружавших дорогу.

– И откуда он только взялся? Ты его видела? Я нет. Чертовы животные... почему до сих пор сетки не натянули или заборы? Какая польза от знаков?

Мама изогнула руку над лыжами и гладила папу по плечу. Пальцы ее при этом подрагивали – Василий видел это даже сквозь слезы.

– И ты тоже хорош, – рывком обернулся папа. – Чего ревешь? Подумаешь – тормознули резко. Ремень удержал, значит все нормально. Все хорошо у нас, все пристегнутые.

– Я больше не буду, – прошептал Василий.

Ему и правда больше не хотелось плакать, расстраивать маму, которой и так сейчас было нелегко, судя по тому, с каким усердием она гладила папино плечо. Одна радость для нее – дальше папа поехал медленно, настолько, что к тому моменту, когда они остановились в конце казавшейся бесконечной цепочки машин («граница», – объяснили ему, ничего не объясняя), Василий почти привык к лесу и, в отдельные мгновения, даже забывал его бояться. Отгороженный, к тому же, справа стеной фур, тот заметно потускнел и потерял часть своего угрожающего величия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.